

ДАРЬЯ Литвинова

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ОТ СЛЕДОВАТЕЛЯ СК

Семейная ложь
глубже могилы

ДОМ С СЛЕДЯЩЕЙ ТИШИНОЙ

Дарья Сергеевна Литвинова
Дом с леденящей тишиной
Серия «Детективы Дарьи Литвиновой.
Реальные истории от следователя СК»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73487953
ISBN 978-5-04-242255-3

Аннотация

Для поклонников книг Александры Марининой. Российский детектив, написанный женщиной-следователем. Реальные факты, узнаваемое место действия, неопознанные тела, задержания, допросы – полное погружение в сложную, но увлекательную «кухню» следствия...

Неожиданно пропадает успешный риелтор Мария Воронина. Семья испугана: муж спешно возвращается из командировки, дочери плачут, мать Марии подает заявление в полицию. Следствие поручено капитану Денису Юкову. Муж Марии, не выдержав допросов, сознается, что это он из ревности убил жену, которая была беременна от любовника и собиралась к нему уйти. Расчленив труп, он выбросил фрагменты на свалку. Однако тщательные поиски не дали результатов. Капитан Юков подозревает, что мужчина совершил самооговор. Но зачем?

Новый этап расследования начинается тогда, когда на берегу реки оперативники находят брошенный автомобиль Марии...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Дарья Литвинова

Дом с леденящей тишиной

© Литвинова Д. С., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Июльское утро выдалось прохладным, небо затянуло тучами; Лика Леонидовна допивала чай, стоя у открытого окна, смотрела на зеленые дворовые клены в серой туманной дымке и предавалась своим непростым мыслям.

Восемнадцать лет назад родилась ее старшая внучка, Полина. Строгая, умная не по годам, красавица, гордость семьи. Лика Леонидовна давно приготовила подарок на совершеннолетие девушки: серьги и кольцо с россыпью крохотных бриллиантов, выложенных в виде солнца. Внучке нравилось происхождение ее имени от древнегреческого – «солнечная», и она подчеркивала это: в цвете одежды, в аксессуарах; в шестнадцать Поле разрешили набить татуировку в виде солнца на запястье. Сделанный на заказ гарнитур с бриллиантами не мог не вызвать у внучки восторга. Девочки любят украшения, а когда они эксклюзивные – вдвойне.

Как жаль, что с другим важным вопросом тянуть больше нельзя.

Если до этого дня Лика Леонидовна сомневалась и в этих сомнениях оттягивала принятие окончательного решения, то сегодня она с полной ясностью осознала: с ее единственной дочерью Марией случилось что-то по-настоящему серьезное. Дочь, будь она в порядке, никогда не пропустила бы день рождения Полины.

Женщина решительно выпрямила спину, сделала большой глоток зеленого чая из чашки. Она верила в свою интуицию и большую, чем у обычных людей, чувствительность; Лика Леонидовна даже втайне гордилась, что «видит все насквозь». Сейчас ее чувства подсказывали, что дочь попала в беду: возможно, это связано с болезнью, или потерей памяти, или большими долгами, – кто знает, что она скрывает, вдруг сделки не такие удачные, как Мария рассказывает родным, и теперь у нее финансовые трудности... Что угодно, но с ее девочкой не все в порядке. А исправить это можно только одним способом: найти ее, найти как можно быстрее.

Поэтому нужно ехать в полицию. День совершеннолетия любимой внучки Лика Леонидовна планировала начать совсем по-другому, но больше медлить нельзя; и пусть сейчас только половина восьмого утра – чем раньше начнут действовать сотрудники, тем лучше.

Женщина открыла альбом, в который по-прежнему складывала фотоснимки, так и не привыкнув просматривать их в ноутбуке, и вытащила из-под пленки две фотографии: Марии на фоне ее автомобиля, во весь рост, и портретное фо-

то. Жаль было отдавать их, но, когда дочь вернется, они снимут ее еще лучше. Эти кадры когда-то сделал зять, Петр; он умел выбрать красивый ракурс, подчеркнуть эффектную внешность жены. Надо будет его и попросить...

Вместе с мыслями о зяте в душе ворохнулось нечто темное; обуваясь, она подумала, что это он, муж Марии, должен ехать в полицию, он должен подавать заявление о розыске жены, он должен беспокоиться, что супруги нет столько дней. «Наверное, дети нужны только своим матерям», – подумала она, выходя из квартиры.

Звонок застал Лику Леонидовну в такси; «Инга» – было написано на дисплее смартфона. Мать Петра. Праздничные хлопоты в честь совершеннолетия Полины возглавила она: заказывала помещение для мероприятия, утверждала программу торжества, даже в оформлении банкетного зала участвовала; Лика Леонидовна не одобряла этой затеи: Полине всего восемнадцать, к чему столько пышности, да и внучка, вероятнее всего, хотела бы провести свой праздник где-то с друзьями. Но Ингу Давыдовну было не переубедить. И сейчас она наверняка звонила с ценными указаниями по все тому же поводу.

– Лика, дорогая, – голос сватьи звучал, как всегда, спокойно и властно, – хотела попросить тебя забрать цветы из «Вант де флори» в два часа дня. Мой мастер перенесла время, и я никак не успеваю.

– Не волнуйся, заберу.

– Ты можешь привезти их прямо к ресторану, только заранее позвони мне. Букеты поставят в воду, вручим последовательно.

– Инга, – как можно мягче сказала Лика Леонидовна, – тебе не кажется, что это чересчур? Не слишком ли пафосно для нашей девочки?

– Не слишком, – отрезала та. – И, поскольку у нас две девочки, я надеюсь, что вторая тоже не почувствует себя забытой на этом празднике.

– Конечно, Инга, конечно...

Полине всегда оказывалось больше внимания, чем ее младшей сестре; первая была желанным ребенком, вторая – со слов Марии – была оставлена волей случая, из-за нерегулярного цикла и пропуска сроков для аборта. Первая была красавицей, вторая собрала худшие черты всех родственников. Первая была умна и здорова... у второй в одиннадцать лет ухудшилось ментальное состояние, и уже четыре года Галина неофициально наблюдалась у двух разных психиатров; окончательный диагноз вследствие юношеского возраста все же ставить было рано, но оба доктора, независимо друг от друга, подозревали шизофрению. Так не хотелось в это верить...

– Просто хотела напомнить, что они обе – наши внучки, – с иронией произнесла Инга Давыдовна. – В обеих – наша кровь.

– Я помню, Инга.

– И не вина Галины, что один из ее генов поломался.

– Я знаю, – терпеливо повторила Лика Леонидовна и не удержалась, добавила неловко: – Инга, я сейчас еду в полицию писать заявление.

– Какое заявление?

– О том, что Мария пропала.

В мобильнике на некоторое время установилось молчание.

– Хорошо, – проговорила Воронина-старшая. – Конечно, я предпочла бы, чтобы ты дождалась Петра и поговорила с ним, но понимаю тебя. Это ведь твоя дочь.

– Спасибо. Я позвоню, когда закончу там, в отделе. И цветы не забуду...

Инга Давыдовна, первой отключив связь, медленно положила айфон на столик рядом с собой. Сватья, конечно, не нашла другого времени, как отправиться в полицию как раз на совершеннолетие Полины; ни днем раньше, ни днем позже – именно в праздник. Как и у Петра объявилась срочная командировка: ни неделей раньше, ни неделей позже. Ничего, Инга еще в состоянии сделать так, чтобы внучка замечала в этот день только хорошее.

В полиции суетное июльское утро отличалось от других только не слишком обычной для лета прохладой. В уголовном розыске, как и во всех других отделах, шла пересменка, сотрудники тихо радовались тому, что исполняющий обя-

занности начальника РОВД оказался меньшим фанатом построений, чем сам начальник, и впереди были по крайней мере две недели без торжественных «линеек». Юков, оперативник по линии пропавших без вести, объявленных в розыск и неопознанных трупов, опаздывал на работу второй раз в жизни; из-за – кому скажи – соседского ребенка. Тот начал орать еще ночью – как все дети, у которых колики или режущиеся зубки; но и под утро плач не затих, а когда Юков выходил из квартиры, то столкнулся с соседом Юрием Борисовичем, который со слесарным чемоданчиком в руке маялся у двери и прислушивался к детским крикам.

– Денисыч, – обрадовался сосед. – Слышишь, там малец надрывается?

– Слышу, – не стал отрицать очевидное Юков.

– Так того... внутри нету никого, что ли?

– Не знаю.

– Так надо дверь того... вскрыть.

– Может, там мать устала и спит, – предположил Юков. –

Не уверен, что это хороший тон: вваливаться к чужим людям с утра.

– Так дите с ночи орет, – стоял на своем Юрий Борисович. – Моя хозяйка сказала, что грыжу наорет или слюной подавится. Открывать надо.

В конце концов Юков нехотя благословил соседа на взлом замка; как оказалось, не зря: голенький, в одном памперсе, крохотный ребенок в манежике от натуги посинел и орал уже

из последних сил, а в грязной и захлавленной квартире больше не было ни души.

– Вот падла, – воскликнул сосед и смачно плюнул прямо на пол, – шалава, курва, курица! Ты, Денисыч, на работу мальчика заберешь тогда?

– В смысле? – оторопел Юков.

– Ну а куда его! Вишь, синий весь, а шалавы этой, курвы, нету. Ты ж у нас власть!

Юков представил, как заходит в РОВД с грудным ребенком, и вяло огрызнулся:

– У меня он тоже не порозовеет.

Нужно было вызывать сотрудника отдела по делам несовершеннолетних, а там уже по цепочке – участкового, представителя органов опеки, родственников «шалавы, курвы» – и дожидаться хотя бы одного из них; такой роскоши Юков позволить себе не мог, а сосед явно не собирался облегчать ему задачу. Спасла положение жиличка квартиры напротив, девчонка, спокойная и неторопливая.

– Что, опять бросила? – поинтересовалась она. – Третий раз уже. Хоть бы постучала, сказала...

– В каком смысле? – уточнил Юков.

– Ну Елька. Мамашка мелкой.

– А что, она часто его... то есть ее, бросает?

– Ну раньше не было, а сейчас, как проституцией стала заниматься, так через ночь просит: забери, посиди... – невозмутимо сказала девчонка. – Торопилась под клиента, видать,

выездной был, вот и бутылочку не оставила. Давайте заберу мелкую, пока Елька не вернется...

Когда к Юкову вернулся дар речи от известия о том, что дверь в дверь с ним оказывают платные интимные услуги, он сообщил, что вызовет все необходимые службы, и попросил молодую соседку передать сотрудникам ребенка; та пожала плечами, равнодушно бросив:

– Да я и Ельку могу дождаться, она позже девяти утра не возвращается, клиентов столько нет...

На работу Юков ехал не в самом радужном настроении и по дороге так и не решил, что сделать с неведомой Елькой и ее проституцией: натравить участкового или поговорить с девушкой самому. Если кто-то из дружественных организаций будет проводить облавы и обнаружит притон под боком у оперативника районного ОВД, Юкову мало не покажется; это хорошо, что сам о таком соседстве узнал сейчас, а не из заголовков в интернете. Уведомив о произошедшем заместителя начальника отдела по делам несовершеннолетних, оперативник решил, что с «Елькой» поговорит лично, после чего подойдет участкового; а сам тем временем спрашивает, кому в отделе нужны «палки», то есть раскрытые преступления, связанные с проституцией и притоном, и если в поведении горе-матери ничего не изменится, с удовольствием «сошьет» адрес.

В дверях РОВД, около окошка дежурной части, он так спешил, что налетел на маленькую пожилую женщину в

изящной летней шляпке; вскользь извинившись, помчался дальше, но его окликнул дежурный:

– Денис, это к тебе! Заявление!

Пришлось вернуться и извиниться еще раз, после чего Юков проводил женщину к отделу розыска, расположенному слева от выхода во внутренний дворик, и попросил:

– Пойдите тут. Сейчас...

Женщина не дала договорить:

– Буду ждать, сколько нужно.

Порадовавшись терпеливости заявительницы, оперативник поспешил на планерку, но всех уже распустили; начальник розыска Хоминов уезжал на совещание в городской администрации. С некоторым облегчением Юков зашел в свой кабинет, просмотрел подкинутые на стол отписанные на его имя бумаги, после чего позвал заявительницу; та вошла, осторожно присела на предложенный стул, выпрямилась, сложив руки на коленях.

– Слушаю вас, – открыв в ноутбуке нужную программу, сказал оперативник. – Вы по поводу...

– Безвестного отсутствия. Так мне сказали там, на входе, что это так называется... У меня пропала дочь.

– Сколько лет дочери?

– Сорок два.

– Давно пропала?

– От нее нет вестей с одиннадцатого числа.

На календаре было семнадцатое, и оперативник вздохнул

про себя. Срок приличный, не придерешься, все основания для тревоги есть; но если в отношении пропавшей без вести было совершено преступление, то за это время можно было спрятать ее вместе с уликами хоть в ущелье Викос¹.

– Сейчас заполним протокол, – сказал он, – и я возьму у вас объяснение, касающееся обстоятельств исчезновения. Фотографии захватили с собой или, может, на телефоне имеются?

– Взяла фотографии, – торопливо кивнула женщина, – две.

– Отлично...

Юков принялся заполнять протокол-заявление о пропавшем без вести: специальную форму, в которой отражались общие и особые приметы «потеряшки»: возраст, рост, вес, шрамы, татуировки, – а также сведения о работе, семейной жизни, друзьях и прочее; отдельно указывались время и место последнего пребывания, возможные причины исчезновения, принятые по поиску меры и иные важные детали. Заявительница представилась как Лайковая Лика Леонидовна: «В фамилии ударение на последнюю “а”, пожалуйста», – пропавшую без вести дочь звали Мария Алексеевна.

– Фамилия ее Воронина. Это по мужу. Я хотела, чтобы она осталась Лайковой, это красиво, но дочь решила, что нужно брать фамилию мужа, так правильнее...

¹ Ущелье (каньон) Викос – природное образование в Греции. Занесено в Книгу рекордов Гиннеса как самое глубокое ущелье в мире.

– На текущий момент она официально замужем?

– Да.

– С кем проживает?

– С мужем и детьми. Двумя дочками. И, последнее время, со свекровью.

Юков перестал заносить данные и посмотрел на заявительницу с сомнением.

Разумеется, случалось всякое, и ни о какой предвзятости при приеме заявления о пропавшем без вести речь не шла. Однако то ли Рябиновск попал в аномальную петлю, то ли это Юкову так везло, но несколько раз за год заявление о пропавших без вести людях подавались просто потому, что из-за нарушенных внутрисемейных связей мнимые «потеряшки» отказывались общаться с заявителями, а иногда и сообщать им о своем местонахождении. Чаще всего это были вышедшие замуж девушки из неблагополучных семей. В пятый раз записывая объяснения о нежелании поддерживать связь с родственниками, Юков зарекся принимать подобные заявления. И вот опять.

– Может быть, – осторожно начал он, – ваша дочь просто не хочет общаться лично с вами?

Лайковая покачала головой.

– Понимаю ваши сомнения, – сказала она. – Но я не злая бабка, от которой сбежали родственники. Мы созваниваемся с Марией раз в два-три дня, иногда чаще, а раз в неделю она приезжает и мы вместе гуляем. Я в курсе ее успехов и неудач

на работе, в курсе личной жизни.

– И тем не менее у нее могли быть свои секреты.

– Разумеется. Но одиннадцатого числа Мария забыла у меня документы. У нас был эмоциональный разговор, дочь собиралась уходить от мужа, я сомневалась в правильности этой затеи... В общем, она уехала без своей папки, которую взяла из машины. Я не слишком придавала этому значения, только позвонила Маше, а она назвала себя, как обычно, растеряшей и попросила положить папку куда-нибудь поближе к выходу, чтобы на днях заехать и забрать. – Лайковая вздохнула. – А четырнадцатого числа мне позвонил коллега моей дочери и спросил про те самые документы, которые срочно понадобились начальству. Так я узнала, что Марии все это время не было на работе.

– Где она работает?

– В офисе на Баумана, риелтором. В общем, этот коллега оказался любовником моей дочери. И, когда приехал ко мне за папкой, сказал, что волнуется: Мария не отвечает на его звонки и последний раз разговаривала с ним как раз по поводу папки... Номер моего телефона был указан в ее анкете как «звонить при экстренном случае», вот Томи и позвонил... – Лика Леонидовна старалась держаться, но голос ее подвел. – Простите...

– Томи?..

– Это вот тот самый коллега. Он, кажется, хорват, у него такое странное имя... вроде бы Томислав. Я отдала ему до-

кументы и поехала домой к Марии, но там никто не открывал, и машины дочери не было. Она с семьей живет в СНТ «Малиновки», знаете, в пригороде... Я позвонила старшей внучке и спросила, где мама, и та ответила, что в командировке. Телефон моей дочери уже не отвечал на тот момент, наверное, разрядился...

– Командировка не подтвердилась? – уточнил Юков.

– Конечно, нет. Но была пятница, в офисе уже никого не было, а Томи сказал, начальство не принято беспокоить на выходных, из-за этого у Марии могут быть проблемы. А телефон у нее вроде бы давно барахлил...

Лайковая замолчала, опустив голову.

– Если с Машей что-то случится из-за моего промедления, – глухо сказала она, – я не переживу. Я еще ждала весь понедельник, думала, вдруг телефон сломан настолько, что невозможно извлечь номера... Во вторник поняла, что есть электронная почта и хотя бы туда Мария бы могла написать. Снова позвонила внучке и отправилась к вам. У нее сегодня день рождения, так неприятно сообщать о случившемся, но куда дальше медлить...

Юков задал еще несколько вопросов по поводу характеристик пропавшей Ворониной, записал марку и модель автомобиля, на котором она уехала, приложил к объяснению две фотографии; красивая молодая женщина, с чуть широковатым ртом, с копной темных, почти черных волос, со спокойными глазами.

– Она такая добрая у меня, – глядя на снимки, сказала Лайковая. – Отзывчивая. Не дай бог, на трассе решила подвезти кого... Сейчас столько ужасов об этом рассказывают, насчет попутчиков...

– Скажите, а в последнее время у нее были с кем-нибудь конфликты?

– Нет, – покачала головой заявительница. – Вот с мужем разве что могли быть, с Петром. Он такой у нее, собственник... вряд ли спокойно бы воспринял то, что Мария уходит. Но я об этом не слышала.

– Они часто ругались?

– Да как в обычной семье. Всякое бывало. Но одно дело – мелочи, а другое – вот так заявить, что уходит от него... Но в то, что Петр мог что-то сделать с Машей, я ни за что не поверю.

– А какая была конкретная причина ухода, ваша дочь говорила?

Лайковая поджала губы:

– Да. Этот ее коллега. Собиралась с ним строить семью. Я, откровенно говоря, считаю это большой ошибкой...

– Почему?

– Интуиция. Да и потом, менять почти двадцать лет счастливой семейной жизни на неизвестность – это глупо. Но Маша была влюблена...

Попрощавшись с заявительницей, Юков позвонил следователю, который дежурил от отдела СК, и сообщил о про-

паже «человека с автомобилем». С некоторых пор граждан, пропавших без вести вместе с личным транспортом, выделяли в отдельную категорию: потенциально пострадавших от нападения на дороге. Конечно, никогда не исключалась версия, что пропавший потому и числится таковым, что взял машину и уехал по собственной воле куда подальше; но с тех пор, как участились разбойные нападения на водителей, а также случаи убийств на местных и федеральных трассах, эту группу «потеряшек» рассматривали обособленно.

– Супер, – кисло сказал следователь Шомин. – У меня тут травма на производстве, а в планах три допроса, выводка, и еще надо в суд успеть. Если на осмотр ехать, то ближе к ночи.

– Надо бы сейчас.

– Ну я стажера пришлю, пойдет?

– Давай, – не стал возражать Юков; комитетские стажеры часто делали осмотры даже основательнее следователей, ибо старались не ошибиться и фиксировали вообще все, что видели. Дождавшись шоминского практиканта Славу, оперативник кратко ввел его в курс дела, и они отправились в СНТ «Малиновки» по указанному Лайковой адресу, прихватив по дороге двух болтавшихся без дела студентов, также отправленных на практику, только в РОВД. Этих активно использовали во всех следственных действиях в качестве понятых, следя за тем, чтобы одни и те же фамилии не мелькали во всех протоколах одного уголовного дела.

Однажды неопытный следователь в легком уголовном де-

ле о краже посчитал, что присутствие одних и тех же понятых при проведении всех следственных действий, от осмотра места происшествия до предъявления предмета для опознания, не является нарушением, и формально был прав; однако зампрокурора при проверке материалов сказал, что это уже не понятые, а лично заинтересованные лица, прямо-таки живущие данным уголовным делом, и вернул его на доследование. Урок учли и старались не повторять. Но количество стажеров и студентов было ограничено, а реальных понятых иногда днем с огнем не найдешь; а если и найдешь, так не на все места происшествия затащишь. Лично Юков однажды долго искал трезвого понятого на осмотр по убийству, случившемуся первого января в богом забытом хуторе Ровненьком, в котором и так проживало не больше двухсот человек. Жители поголовно были в хлам; относительно вменяемыми оставались дети, и стремительно трезвел убийца, задушивший жену. А напарнику Юкова, майору Муфаяеву, как-то раз пришлось чуть ли не угрозами привлечь понятых к осмотру двух разложившихся трупов, которые преступник долгое время прятал в кладовке дома. Вонь там стояла такая, что зеленели и ко всему привычные сотрудники, а уж граждане убегали только при одном намеке, что придется зайти внутрь.

В СНТ «Малиновки», скорее всего, можно было пригласить на осмотр дома пару граждан, проживавших в ближайших домах; те пошли бы с удовольствием, особенно если

оказались бы любопытными пенсионерами: кто откажется посмотреть на действия полиции вживую, да еще и в доме у соседей. Но все же лучше было перестраховаться; тем более стажеры были свежие, ходили на практику всего третий день.

Петр Воронин с облегчением понял, что успевает на день рождения дочери; бригадир на стройке оказался толковым, работники расторопными, и, пожалуй, за исключением самого проекта, придраться было не к чему. Воронину категорически не нравилось то, что должно было вырасти из начального этапа, но он был исполнителем и выбирать права не имел; попытка донести до шефа, что очередной торговый центр будет отличаться редкостным уродством, закончилась начальственным коротким: «И че?» «И ниче», – решил Воронин, с болью думая о нарушении строящимся зданием архитектурного ансамбля и понимая, что изменить ничего не сможет. Из плюсов – дело шло быстро, поездки сокращались до минимума, и теперь он летел по трассе в сторону Рябиновска, чтобы приехать как можно раньше; помимо банкета в честь совершеннолетия Полины, в четыре намечалось собрание в офисе с обязательным его, Воронина, присутствием, и туда тоже желательно было бы не опаздывать. Прикинув, сколько ему потребуется времени, Петр решил позвонить дочери, чтобы обрадовать ее.

– Спасибо тебе, – искренне поблагодарила Полина. – Хотя бы почувствую, что у меня есть семья. Пусть и с одним

родителем.

– Прошу тебя, не обижайся.

– Я не обижаюсь, – с легкой грустью ответила дочь. – Просто знаешь, это не какой-то там первый день каникул, чтобы мама могла не приехать...

– Мама задерживается в командировке, – перебив ее, соврал Петр. – Список квартир огромный, дом-новостройка, желающих море. Очень много документации, и могут сорваться сделки, если все хорошенько не изучить.

– Я понимаю, папа. Но раз объект огромный, то в том городе, где его сдают, наверняка есть хотя бы один магазин со смартфонами! Чтобы купить там зарядку и написать мне.

– Может быть, она разбила телефон?

– Ну конечно. – Полина помолчала. – Понимаешь, еще эта торжественная часть, с родственниками, с какими-то вашими личными друзьями... Все будут поздравлять, обсуждать, что рядом нет моей матери, а я буду сидеть и думать: ведь она даже не попыталась...

Тон ее внезапно стал тоскливым.

– Полинка, разрешаю тебе слинять со своего дня рождения, – не выдержал Петр. – Подожди, пока любимые бабки подарят тебе цветы и произнесут речь, и уезжай, куда хочешь. Зови друзей, арендуй машину. Денег, сама знаешь, хватает. Бабушки первые выступят по торжественному расписанию, потом я скажу пару слов, и сразу убегай.

– Ты серьезно? – недоверчиво переспросила дочь.

– Абсолютно. Весь этот банкет – это праздник скорее для нас. Что ты такая взрослая и красивая. Вот мы посидим и поговорим об этом.

– А как же бабушка Инга? Она почти месяц готовилась.

– Беру ее на себя.

– Папа!!! – Наконец-то голос дочери заиграл радостными нотами. – Это лучший подарок! Я тогда звоню девчонкам!

Полина отключила связь; Петр коротко выдохнул и поздравил себя: здесь он все сделал правильно. Предстояло выдержать серьезный разговор с матерью, которая вкладывала всю душу в праздник совершеннолетия, но это уже были мелочи; тем более Воронин знал, как переключить ее внимание. Повод для этого был неприятный, но действенный.

В детстве Петр неудачно прыгнул в воду с трамплина и сломал шейные позвонки; долгая реабилитация, физиопроцедуры, травматолог, инструктор ЛФК, страх постоянной неподвижности – он запомнил все. Потом жизнь вновь вошла в привычное русло, пока однажды на трассе прямо перед машиной Воронина не произошло лобовое столкновение и отброшенная ударом «Хонда» не влетела в его автомобиль; резкое и своевременное торможение спасло Воронину жизнь, но хлыстовой травмы шеи² он не избежал. Все зано-

² Хлыстовая травма шеи – это повреждение мягких тканей шейного отдела позвоночника, возникающее при резком сгибании и разгибании головы (как при ударе хлыстом). В более серьезных случаях возможны повреждения дисков, суставов и даже переломы.

во: больница, лечение, страх тетрапареза³. И снова все обошлось, но Бог любит троицу, и на одном из объектов Воронин, всегда максимально осторожный, поскользнулся и упал; с небольшой высоты, но самостоятельно встать смог с трудом, чувствуя боль в шее и общую слабость, и с подозрением на смещение шейных позвонков его отвезли в приемный покой. Врач маленькой больнички не выявил признаков смещения либо перелома, однако, посоветовав на плохую оснащенность аппаратурой и отсутствие аппарата МРТ, настоятельно посоветовал обратиться в клинику в Рябиновске и следить за любым ухудшением состояния здоровья; а кроме того, проходя диагностировал у Воронина признаки пионефроза⁴: Петр ранее действительно перенес пиелонефрит без должного лечения.

– Каменный век! – ругался доктор. – В чем была сложность нормально пройти терапию до выздоровления?!

– Времени не было.

– На инвалидности будет сколько угодно! Недолечил – жди нефрэктомии⁵.

³ Тетрапарез (или квадрипарез) – это состояние, характеризующееся слабостью мышц всех четырех конечностей.

⁴ Пионефроз (гнойная почка) – гнойно-деструктивное заболевание почек, сопровождающееся некрозом почечной ткани на завершающей стадии острого воспалительного процесса мочевыводящих путей.

⁵ Нефрэктомия – это хирургическое удаление почки, выполняемое при тяжелых заболеваниях, когда консервативное лечение неэффективно или невозможно. Почка – парный орган, поэтому после удаления одной оставшаяся берет на

Именно об этой теме Воронин решил поговорить с матерью, после того как Полина тайком исчезнет со своего бала, как Принцесса-Золушка. И он точно знал, что это отвлечет Ингу Давыдовну. А мысли старшей дочери он уже переключил. Осталось как-то занять младшую, Галину, которая тоже не понимала, где находится ее мать.

До СНТ «Малиновки», где проживала пропавшая, добрались быстро, и участок Ворониных искать не пришлось: он был вторым от конца товарищества; вдалеке темнел сосново-лиственный лес, в низине зеленела высокая трава. Юков знал, что дальше протекает маленькая речка Синушка, и представил, как было бы чудесно любоваться по пути на работу этим пейзажем, а не однообразными высотными застройками; но пока что по карману ему было бы купить в «Малиновках» лишь небольшой участок под деревянный туалет.

– Красиво, – протянул Славик. – Дорогая здесь земля?

– Довольно дорогая. Все коммуникации проведены, так что место для богатых.

– А где работает эта... пропавшая?

– Риелтором. Но здесь дом ее мужа.

– А муж кем работает?

– Строителем. Что, – фыркнул оперативник, – профессию решил поменять?

– Не думал об этом, – честно ответил Славик. – Но подумую.

Участок Ворониных окружал высокий ребристый забор; выйдя из машины, Юков сначала дважды нажал на белый квадратик с изображением звонка, после, не дождавшись реакции, постучал по воротам кулаком. Стальные гофрированные листы отозвались глухим гулом.

– Кто это? – раздался из-за забора голос. – Зачем вы стучите? Я слышу звонок.

– Полиция, – ответил оперативник. – Уголовный розыск, Юков моя фамилия.

– Чем обязана? – удивились за забором.

– Мы насчет Ворониной Марии Алексеевны.

Ключ в замке шелкнул, и калитка открылась; из нее вышла молодая женщина с короткой стрижкой, в стильном спортивном костюме, с тщательно уложенными волосами. Она попросила предъявить удостоверение, ознакомилась с ним и представилась сама:

– Воронина Инга Давыдовна. У вас какие-то вопросы?

– Простите, а кем вы приходитеесь Марии Ворониной?

– Свекровью. Я присматриваю за дочерьми моего сына, пока он и супруга в разъездах. Девочки сейчас в торговом центре.

– А где отец девочек? – уточнил Юков.

– Он на объекте. Он начальник бригады, – пояснила Инга Давыдовна, держась за ручку калитки. – Вернется сегодня

или завтра. Повторюсь, в чем дело?

– В полицию подано заявление о том, что ваша невестка пропала без вести.

– Да, я уже в курсе, – кивнула женщина. – Мне звонила сватья. Но какое отношение к этому имею я?

– Можем мы осмотреть дом? – проигнорировал вопрос Юков.

Брови Ворониной-старшей медленно поползли вверх.

– Осмотреть дом? На каком основании? Для чего?

– Чтобы исключить совершенное в отношении пропавшей без вести преступление, – обстоятельно пояснил Славик, и женщина изумилась еще больше:

– В отношении Марии? В этом доме? О чем вы говорите?

– Так положено, – не слишком вдаваясь в подробности, сообщил Юков. – Так что же, разрешите пройти?

Инга Давыдовна развела руками и отступила в глубь двора:

– Как будто вы оставите мне выбор! Проходите, только снимите обувь в прихожей, у нас ковролин... – Увидев, что сотрудники смотрят на нее с сомнением, она добавила: – Хорошо, идите так, только старайтесь не наступать на все подряд... хотя я бы, конечно, предпочла первый вариант.

Снимать или не снимать обувь в ходе проведения каких-либо следственных действий или оперативно-разыскных мероприятий – дело каждого участника; разумеется, все без исключения предпочитали не разуваться, в том числе из

соображений безопасности: а ну как кинется кто с ножом, что ж, если не получилось обезвредить, то босиком от него убежать? Лишь в случаях, когда нужно было максимально расположить к себе хозяина жилья, сотрудники аккуратно снимали обувь при входе; Юков решил, что данный случай к таким не относится, и пошел как был, кивнув и Славе с понятыми.

Дом Ворониных был двухэтажным и довольно просторным; широкие светлые коридоры, большие окна, задрапированные узорчатыми занавесками, обои спокойных тонов. Инга Давыдовна сообщила, что спальня ее сына и невестки располагалась на втором этаже.

– Все вещи Марии там, – сказала она, – а еще в ванной комнате. Зимнюю одежду мы убрали, но если она нужна...

– Мы сначала осмотрим сам дом, – остановил женщину Юков. – Если что-то понадобится, спросим.

Осмотр длился долго. Обычно при поступлении заявления о пропавшем без вести его место жительства проверяется с целью обнаружения либо следов совершенного преступления, либо свидетельств того, что человек покидал свой дом в спешке или, напротив, перед исчезновением вел себя как обычно; возможно обнаружение признаков борьбы, капель крови, клочков выданных волос; на улице может насторожить свежевскопанная земля, следы волочения, обрывки одежды. Множество нюансов, на которые может обратить внимание посвященный человек и которые не заметят либо

которым не придадут значения посторонние. Однако ни на участке, ни в доме, ни в подвале, ни на чердаке не обнаружилось ничего, хоть сколь-нибудь насторожившего бы оперативника и стажера. Инга Давыдовна, неотрывно следовавшая за их группой, молчала, но весь ее облик выражал иронию и смирение одновременно; когда осмотр был окончен, она спокойно подписала протокол и поинтересовалась:

– Теперь все?

– Все, – кивнул стажер. – Спасибо.

– Пожалуйста, – фыркнула Воронина-старшая. – Я провожу вас...

У калитки Юков сообщил, что по возвращении внушек домой им троим необходимо приехать в полицию, а после – в следственный отдел Следственного комитета для дачи объяснений. Женщина всплеснула руками:

– Вы смеетесь надо мной?

– Почему? – не понял оперативник.

– У нас сегодня праздник, совершеннолетие старшей внучки! Нет, это исключено, никакой полиции.

– Вы хотите, чтобы мы оформили это приводом? – вкрадчиво спросил Юков. – Тогда день рождения точно ей запомнится.

– Вы меня без ножа режете! Хорошо, как только дети вернутся, мы сразу приедем к вам. РОВД, что на Коммунистическом?

– Все верно. Долго мы вас не задержим, – пообещал опе-

ративник. – И скажите, у вас есть догадки, почему мобильный Марии так долго находится вне зоны доступа? Она часто его отключала?

– Я бы сказала, что он часто отключался сам. Мария не слишком аккуратно заряжала телефон, – пожалала одним плечом Инга Давыдовна. – И зарядки постоянно ломались, она их перекручивала. Так что это как раз неудивительно.

– Спасибо вам еще раз, и ждем в отделе.

Воронина-старшая с недовольным видом кивнула, закрывая за непрошеными посетителями дверь.

– ... Что теперь? – поинтересовался Славик, когда они отъехали от дома. – Надо будет еще к матери Ворониной съездить, там все осмотреть?

– Можно. Чем больше бумаг, сам знаешь...

Осмотрели и однокомнатную квартиру Лайковой; аккуратное уютное жилище, тоже в светлых тонах, цветочки на подоконниках, картины на стенах. Заодно Юков попросил фотографию супруга пропавшей Марии, и ее любезно предоставили, продемонстрировав на экране айфона.

– Раньше все снимки в ателье печатались, – задумчиво произнесла Лица Леонидовна. – Каждая фотография была дорога, выбирали место в альбомах, компоновали. Мы готовились, позировали. А сейчас...

Не дав увлечь в ностальгию себя и Славика, который вообще вряд ли помнил такие времена, Юков еще раз уточнил, не было ли у пропавшей последнее время проблем, которые

беспокоили ее, помимо ухода от мужа.

– Младшая дочь ее волновала, – подумав, ответила Лайковая. – Проблемы со здоровьем, социальная адаптация... Но у них были деньги, чтобы лечить Галиночку. Маша просто переживала, как будет развиваться и вливаться в общество больной ребенок. Сами знаете, сейчас и здоровым непросто... А в остальном – все в порядке. О работе она тоже не говорила ни одного плохого слова, ее поощряли, давали грамоты... И Томи, ее любовник, не давил на нее, не торопил с уходом...

– И вы считаете, что, признайся Мария мужу, что уходит от него, он не мог бы совершить в отношении нее преступления?

– Что вы, – отмахнулась Лика Леонидовна, – Петр – чудесный человек. Властный, да, но выдержанный, спокойный. Может быть, они и поругались бы, но после зять с миром отпустил бы мою дочь. Я повторяю: это я не хотела, чтобы Машенька бросала семью, сама она ничего не боялась...

По всему выходило, что Воронину окружали сплошь положительные люди; на работе – одни поощрения и повышения; любовник терпеливо ждал, муж был снисходителен, завистников тоже не установили... Тогда куда могла пропасть молодая женщина на ярком автомобиле?

В практике Юкова бывали случаи, когда объявленные пропавшими без вести граждане находились в другом регионе целыми и невредимыми и объясняли свое исчезновение

усталостью от привычного образа жизни. Но у такой категории лиц отсутствовали дети и стабильная работа... Чаше же всего при той совокупности обстоятельств, которая наличествовала в материале проверки по пропаже Ворониной, потеряшек находили мертвыми, и в лучшем случае – от приступа внезапной болезни, или ДТП, или, бывало и такое, в результате суицида. В основном же исчезнувшие граждане, бывшие при деньгах и с транспортным средством, становились жертвами внезапных или спланированных нападений и умирали смертью мучительной.

Вспомнив дело двухгодичной давности, когда семья нелюдей, ныне покойных, останавливала на трассе автомобиля, высылая к дороге якобы просящего помощи ребенка, а потом расчленяла хозяев машин и ела части тел, Юков мысленно вздрогнул. Что, если, как в стандартном фильме ужасов с продолжением, кто-то из проклятого семейства не сгорел в старой избушке зимой, а ухитрился провести ту роковую ночь не дома и теперь продолжает славную традицию антропофагов⁶? Это дело выпило, продолжая людоедские аллегории, столько крови из сотрудников РОВД, что еще один его виток в текущем десятилетии, наверное, некому было бы потянуть. Отогнав непрощенные воспоминания, капитан попрощался с хозяйкой квартиры.

– ...А что теперь? – Славик, как обычно, не менял репер-

⁶ Антропофаг – «тот, кто ест людей», «людоед», «каннибал». Происходит от древнегреческого ἀνθρωποφάγος – «питающийся человеческим мясом».

туар. – Осмотрим офис?

– Офис подождет, – уверенно сказал Юков, заводя мотор машины. – Во-первых, она там не появлялась с момента исчезновения, а во-вторых, слышал? Воронину ждало повышение. Что мы там будем искать?

– Записки какие-нибудь. С угрозами. От недовольных клиентов.

– Недовольные клиенты в суд подадут. А если и начнут писать, то СМС, а уж никак не бумажки подкидывать.

В словах стажера была доля истины, но у Юкова и без того хватало дел; а если следователь сочтет нужным интересоваться риелторской деятельностью Ворониной и искать мифические записки, пусть сам туда и отправляется. Или, в крайнем случае, они осмотрят рабочее место пропавшей, когда наведаются к ее любовнику...

Томислав Вукас перепроверил реквизиты договора, отправил файл и отодвинулся от стола, потягиваясь; клиент должен был подъехать через час, времени более чем достаточно; даже зеленый чай успеет выпить. И дыхательные упражнения не помешают, чтобы не думать о проклятых бумагах. Не думать, куда Мария дела часть важных документов, без которых дела могут пойти не по плану. Хорошо, что удалось забрать хотя бы одну папку у ее матери; но там была хорошо если половина документов! Вместе с Марией пропали общие полугодовые наработки, контакты людей, предва-

рительные договоренности, потенциальные клиенты, которых нужно было заполучить себе в ближайшее время, пока не пошли нехорошие слухи. А значит, пропали и еще не полученные деньги. А нехорошие слухи вполне могут и начаться раньше, чем предполагал Вукас, и тогда он останется без гроша. А так хочется начать работать на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.